

Чжан Цзюньчу подошёл к Чжоу Туну с двумя бокалами вина. Окинув взглядом место рядом с ним, он поинтересовался:

— А где Дуань Чжэн?

— Ушёл, — отозвался Чжоу Тун. — К нему второй дядя приехал.

— А-а, то-то я смотрю, Ван Кай тоже куда-то подевался. Говорят, отец у него невероятно строг.

— Тут я не в курсе, — Чжоу Тун натянул вежливую, но холодную улыбку, пытаясь откреститься от навязчивого дружелюбия собеседника.

Чжан Цзюньчу шагнул ближе и, склонившись к самому уху Чжоу Туна, заговорщически понизил голос:

— Без него нам будет гораздо проще поговорить.

Чжоу Тун вежливо, но решительно отступил назад, восстанавливая дистанцию.

— Даже будь он здесь, у меня нет от него секретов, — ровным тоном произнёс он.

— Эх, — притворно вздохнул Чжан Цзюньчу. — Сяо Тун, три года ведь не виделись. Я так по тебе скучал... Помнишь, когда мы вместе работали в студсовете, ты мне здорово помогал? Я до сих пор всё это помню и ценю. А помнишь ту старую сосну у дверей нашей каморки? В год моего отъезда за границу я думал, что она зачахнет. Но на днях пересёкся с ребятами, которые остались в аспирантуре, — говорят, дерево до сих пор упрямо цепляется за жизнь. Давай как-нибудь выберемся туда вместе, поностальгируем?

Чжоу Тун лишился дара речи.

В душе он искренне недоумевал: с каких это пор они стали настолько близки? Чжан Цзюньчу и раньше обожал разыгрывать перед ним драму одного актёра, строя из себя трагического героя-любownika. Он упрямо делал вид, будто Чжоу Тун сохнет по нему, а сам он уезжает с разрывающимся от боли сердцем. Три года за границей, похоже, усугубили этот недуг — парень обнаглел пуще прежнего.

Чжоу Тун уже открыл было рот, чтобы осадить наглеца, как вдруг позади раздался низкий, бархатистый голос:

— И о чём же вы беседуете?

Звук показался смутно знакомым. Чжоу Тун обернулся и на мгновение оцепенел. Ему потребовалась секунда, чтобы вернуть лицу бесстрастное выражение и спрятать под вежливой улыбкой вспыхнувшее в глазах восхищение.

Мужчина перед ним был невероятно, вызывающе красив.

Безупречную фигуру, напоминавшую античную статую, облакал идеально скроенный классический костюм. Густые волосы были зачёсаны назад, открывая высокий чистый лоб. Золотисто-бронзовый оттенок кожи так и пыхал здоровьем, а правильные, мужественные черты лица казались сошедшими с тщательно отретушированной киноафиши.

«Не иначе как кинозвезда», — было первой же мыслью, промелькнувшей в голове Чжоу Туна.

Но уже в следующую секунду незнакомец бесцеремонно приобнял Чжоу Туна за плечо и, склонившись к самому его уху, интимно прошептал:

— Дорогой, что же ты мне друга не представляешь?

Чжоу Тун лишился дара речи.

Чжан Цзюньчу застыл как вкопанный.

И тут Чжоу Тун наконец узнал этот голос.

Тень.

Тень негромко рассмеялся — бархатисто, с лёгкой хрипотцой. Протянув руку Чжан Цзюньчу, он всем своим видом продемонстрировал непререкаемое право собственности на Чжоу Туна. От него исходила такая мощная, подавляющая аура, что вся былая спесь Чжан Цзюньчу мигом испарилась.

— Добрый вечер, — представился новоприбывший. — Я возлюбленный Чжоу Туна. Моя фамилия Цзян.

Чжан Цзюньчу ошарашенно захлопал глазами, не в силах переварить услышанное.

— Вы... кто ему? — переспросил он, отказываясь верить своим ушам.

Тень благосклонно кивнул и отчеканил каждое слово:

— Его парень.

Чжан Цзюньчу бросил на Чжоу Туна красноречивый, полный отчаяния и немного вопроса взгляд.

Чжоу Тун уклонился от прямого ответа. Он не стал ничего отрицать, как не стал и сбрасывать тяжёлую руку, обнимавшую его за плечи.

У Чжан Цзюньчу всё оборвалось внутри. Между мужчинами всегда существовало первобытное соперничество, а уж когда дело касалось любовного интереса, густое, почти осязаемое напряжение между ними вспыхивало мгновенно.

Он принялся лихорадочно препарировать взглядом соперника, сравнивая его с собой.

И пусть Чжан Цзюньчу понятия не имел, чем зарабатывает этот господин Цзян, безупречные манеры и явно баснословно дорогой костюм выдавали в нём человека, привыкшего стоять на самой вершине пищевой цепочки. Подобную холёную уверенность не купишь ни за какие деньги.

Что же до внешности, которой Чжан Цзюньчу всегда так гордился...

Да любой на его месте сейчас почувствовал бы себя невзрачной серой мышью. Было чертовски обидно признавать, но на фоне этого незнакомца все его хвалёные достоинства разом поблекли.

Подобно побитому павлину, он уныло опустил свой роскошный хвост и с горькой усмешкой осушил бокал до дна.

Впрочем, разворачиваясь, чтобы уйти, он злобно ухмыльнулся про себя:

«Ничего, скоро начнется аукцион, и я заставлю Чжоу Туна горько пожалеть о том, кого он упустил!»

— Хватит паясничать, — негромко проговорил Чжоу Тун, как только соперник скрылся из виду.

Он повёл плечом, сбрасывая чужую ладонь. Тень спорить не стал — спокойно убрал руку и, нахмурившись, тихо спросил:

— И это вся твоя благодарность за спасение?

Чжоу Тун промолчал, пристально разглядывая Тень с ног до головы.

Его глаза Инь-Ян улавливали лишь колоссальные потоки чистой энергии ци, в то время как физическая плоть полностью отсутствовала. Сделав глоток вина, Чжоу Тун негромко заговорил:

— Я с самого начала подозревал, что «Сихэ» — не совсем обычный аукционный дом, но только сегодня понял, в чём подвох. Почти все здешние лоты буквально сочатся духовной энергией. Это ведь артефакты, верно? А те, кто пришёл их покупать, явно смыслят в нашем деле, и среди них наверняка найдутся истинные мастера. — Он лукаво прищурился. — А ты соткал себе ложное тело из чистой ци. Не боишься, что тебя раскусят?

— Не у каждого встречного есть глаза Инь-Ян, — с полным безразличием отозвался Тень.

— Вот как? — Чжоу Тун приподнял бокал, салютуя собеседнику, и с улыбкой добавил: — Буду считать это комплиментом.

Тень промолчал.

Будучи бесплотным сгустком энергии, пить он, разумеется, не мог. Смерив Чжоу Туна мрачным взглядом, он в очередной раз поймал себя на мысли, что этот юноша остаётся для него полной загадкой.

Но внезапно, не дав юноше опомниться, Тень властно обхватил ладонью его затылок и притянул к себе.

Высокий, под метр девяносто, силуэт полностью скрыл Чжоу Туна в своей тени. Не успел тот и пикнуть, как его губ коснулся обжигающий холод. Тень принялся жадно, нить за нитью, вытягивать из его рта чистую ци, заставляя влажную от вина кожу чувствительно гореть на ледяном сквозняке.

Чжоу Тун невольно вздрогнул, а в ушах раздался тихий, полный глубокого удовлетворения стон.

Слегка приоткрыв глаза, Чжоу Тун внезапно уловил в толпе приближение колоссального по силе сгустка энергии. Едва шевеля губами, он прошептал:

— Кто-то идёт. Прекрати.

Тень скользнул взглядом по сторонам. Он почуял чужака почти одновременно с Чжоу Туном, однако исходящая от юноши энергия была слишком упоительной — в сотни раз слаще и чище, чем у любого древнего артефакта, который ему доводилось поглощать. Отрываться от такого лакомства не хотелось до безумия.

Но мощная чужая аура приближалась слишком быстро. Стиснув зубы, Тень всё же отпрянул в самый последний момент и бесплотной лазурной струйкой юркнул к поясу Чжоу Туна, скрывшись в наконечнике алебарды.

Чжоу Тун лишь мысленно вздохнул.

К счастью, они облюбовали довольно укромный уголок зала, и свидетелей этой сцены не оказалось.

Шагавший неподалеку господин Чжао внезапно замер на месте.

Направленный на него мощный поток чужой энергии мгновенно испарился, не оставив и следа.

Высокий телохранитель, шедший следом, тут же обеспокоенно спросил:

— Господин?

— Пустяки, — отозвался господин Чжао, устремив взор вглубь зала. Его тяжёлый, хищный взгляд в этот миг до боли напоминал зоркого ястреба, высматривающего добычу.

— Чжоу Тун! — из толпы наконец вынырнул запыхавшийся и взмыленный Дуань Чжэн. — Ну и зануда мой второй дядя! Сам припёрся на аукцион, а мне выговаривает, что я под ногами путаюсь. Вечно у этих старших двойные стандарты: им, значит, можно развлекаться, а нам и носа показать нельзя!

Чжоу Тун негромко рассмеялся: — Похоже, всё вот-вот начнётся. Пойдём готовиться.

Чжоу Тун негромко рассмеялся: — Похоже, всё вот-вот начнётся. Пойдём готовиться.

Чжоу Тун негромко рассмеялся:

— Похоже, всё вот-вот начнётся. Пойдём готовиться.

— О да! — довольно закивал Дуань Чжэн, указывая наверх. — Я забронировал вип-ложу. Идём, оттуда вид просто шикарный!

— Веди, — согласился Чжоу Тун.

Ложка на втором этаже и впрямь оказалась превосходной. Отсюда просторный зал первого этажа просматривался как на ладони, а демонстрационный подиум находился прямо перед ними, позволяя разглядеть каждую деталь.

Гулкий удар гонга возвестил о начале торгов, и тут же проявилось главное отличие этого места от обычных аукционов.

Все лоты выставили одновременно, без каких-либо табличек или предварительных пояснений. Вместо этого объективы высокотехнологичных камер транслировали изображение экспонатов на огромные экраны, позволяя гостям рассмотреть тончайшие прожилки камня и микроскопические сколы на печатях.

Чжоу Тун заинтересованно вскинул брови. А устроители знали толк в интриге.

Дело в том, что любые артефакты подчиняются законам взаимного порождения и подавления

энергий. Схожие по природе предметы вступают в резонанс, многократно усиливая друг друга. Если же их духовные свойства противоположны, они начинают конфликтовать, угашая чужую ауру.

Сейчас на подиуме покоились семь древних печатей. Их энергетические поля хаотично переплетались, то усиливая, то практически полностью уничтожая друг друга. Это превращало торги в сложнейшую задачу: собравшимся мастерам предстояло не просто разглядеть истинную силу каждого артефакта, но и рассчитать сложнейшее уравнение их энергетического противоборства.

Профаны любовались изящной резьбой, знатоки же зрили в самую суть.

Чжоу Туну хватило одного беглого взгляда с высоты второго этажа, чтобы безошибочно отделить дилетантов от людей понимающих.

Те, кто заворожённо пялился на экраны, оценивая лишь внешнюю эстетику камня, были обычными ротозеями. Истинные же мастера не сводили глаз с самих артефактов на стендах.

К удивлению Чжоу Туна, искушённых практиков в зале собралось предостаточно. Мало того, самые хитрые из них уже начали втихомолку пакостить конкурентам: они тонко направляли потоки собственной ци, искажая ауру лотов и мешая другим верно оценить их силу.

Наблюдая за этой невидимой постороннему глазу подковёрной борьбой, Чжоу Тун лишь посмеивался. Он повернулся к Дуань Чжэну, который в нетерпении ёрзал на стуле, уставившись на экран, и похвалил его:

— А место ты и правда выбрал отменное.

— Ну ещё бы! — расплылся в улыбке толстяк. — С этой точки на экранах видна каждая пылинка!

Чжоу Тун невольно покачал головой, едва сдерживая смех.

Вдруг он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Чжоу Тун недовольно нахмурился и посмотрел в ответ.

Прямо напротив них, в такой же ложе, устроились Чжан Цзюньчу и Ван Кай. Стоило Чжоу Туну поднять голову, как бывший сокурсник тут же отвёл глаза и сосредоточился на подиуме. Духовное излучение, исходившее от Чжан Цзюньчу, оказалось на редкость мощным и плотным. Было очевидно: этот напыщенный павлин действительно владел серьёзными техниками.

Впрочем, Чжоу Тун никогда не водил с ним дружбы, а потому его мало волновало, когда именно соперник приобщился к таинствам даосизма.

Полчаса пролетели незаметно. Наконец ведущий взял микрофон и зычно объявил:

— А теперь, уважаемые дамы и господа, не желает ли кто-нибудь из присутствующих поделиться своим авторитетным мнением о представленных сокровищах?

Чжоу Тун слегка опешил.

«Надо же, какая занятная процедура. Действительно, ничего общего с заурядными торгами», — подумал он.

Похоже, таинственный владелец «Сихэ» и сам принадлежал к миру практикующих. Нынешнее мероприятие куда больше напоминало негласную битву заклинателей, нежели обычный аукцион. Интрига здесь была закручена на редкость изящно. С одной стороны, молодые мастера получали шанс продемонстрировать свои таланты в оценке артефактов и привлечь внимание богатых покровителей. С другой стороны, состоятельные профаны, жаждущие приобщиться к тайному знанию, могли судить о ценности лотов по авторитетному мнению спорящих знатоков. Ну а совсем далёкие от темы богачи охотно брали на себя роль денежных мешков, взвинчивающих цены наперегонки. Убить трёх зайцев одним выстрелом — поистине гроссмейстерский расчёт.

Что же, Чжоу Туну это было только на руку — отличная возможность оценить уровень современных школ и кланов.

Первыми слово взяли несколько специалистов из партера. Это оказались обычные искусствоведы и оценщики антиквариата. Рассуждали они здраво, историческую ценность предметов описывали складно, но для истинного практика их речи не стоили и ломаного гроша. Чжоу Тун слушал их исключительно из праздного любопытства.

Однако постепенно инициативу перехватили те, кто действительно умел различать духовные потоки. В их словах наконец-то начал проступать глубокий смысл.

Впрочем, и они не решались копать слишком глубоко, ограничиваясь общими фразами. От этой скукотищи Чжоу Тун невольно зевнул и почувствовал, как его клонит в сон.

“Скука смертная, — глухо отозвался Тень прямо в его сознании. — Даже даосские диспуты в моё время были живее. Пожалуй, я вздремну немного. Ты ведь уже разобрался с этими печатями?”

“Да, — мысленно усмехнулся Чжоу Тун. — Завидую тебе чёрной завистью: захотел — и на боковую. Мне бы так”

“Отоспишься в могиле”, — язвительно фыркнул Тень.

*“Пожалуй, я всё же ещё немного пободрствую”, — мысленно парировал Чжоу Тун, пожав

плечами.*

В этот момент из ложи напротив раздался мелодичный перезвон — кто-то потребовал слова, ударив в декоративный колокольчик.

Из ложи статно поднялся Чжан Цзюньчу. Окинув зал уверенным взглядом, он звучно объявил:

— Из всех представленных лотов истинную ценность представляет лишь одна вещь — печать из белого тяньхуана.

Эти слова заставили зал недоуменно загудеть.

Дело в том, что до этого момента эксперты оценивали печать из белого тяньхуана крайне сдержанно. Бесспорно, материал был редким и благородным, однако на фоне великолепных изделий из хотанского нефрита и чистейшего кровавика этот лот казался невзрачным. Предыдущие ораторы высказывались осторожно, используя обтекаемые формулировки вроде «весьма недурно» или «достойный образец».

Чжан Цзюньчу же без тени сомнения сразу отвёл этой неприметной вещице первое место.

Кое-кто из умудрённых опытом старцев неодобрительно покачал головой, проворчав под нос что-то о безрассудстве юности, однако большинство присутствующих принялись лихорадочно перешёптываться, выясняя личность дерзкого юноши.

Вскоре в толпе послышались узнающие голоса:

— Позвольте, да это же выпускник Университета А! Я видел его портрет на обложке крупного столичного журнала. Надо же, такой молодой, а уже выступает как самостоятельный эксперт!

— Да какой эксперт! — возразил кто-то знающий. — Это же сам Чжан Цзюньчу, прямой наследник великого клана Чжан! Тот самый Небесный наставник Чжан!

— Клана Чжан?

— Да ты откуда свалился, раз не знаешь клан Чжан?! Это же одна из трёх великих семей Небесных наставников! На юге страны из уст в уста передают поговорку: «Неважно, как рассудят боги на небесах, последнее слово на земле останется за кланом Чжан!»! Ну как, понимаешь теперь, кто перед нами стоит?